

УДК 340

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ КОНТЕКСТЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

© 2024 г. В. С. Горбань*, С. В. Маликов**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: gorbanyv@gmail.com*

***E-mail: s.v.malikov@yandex.ru*

Поступила в редакцию 19.09.2024 г.

Аннотация. В статье рассматривается проблематика разработки и совершенствования историографических подходов к науке уголовного права, которые являются необходимой предпосылкой для укрепления и развития философско-правового компонента в структуре научности уголовного права. Недостаточное внимание к проблематике историографических и философско-правовых исследований уголовного права сказывается в целом на состоянии и характере данной области знаний и социальной практики. Предметное и конструктивно-критическое изучение историографии и соответствующих контекстов в области науки уголовного права показывает возможности существенного дополнения традиционных представлений о доктринальном содержании, понятийной структуре, а также направления развития науки уголовного права, которая в условиях формирования архитектуры современного многополярного мира должна усилить свои познавательные и объяснительные возможности, демонстрировать устойчивость и самостоятельность отечественной науки. Речь идет о концептуальном осмыслении, по терминологии П.А. Флоренского, генетических рядов в понятийно-языковой и идейно-институциональной среде науки уголовного права, характера и типов развития национальных литератур уголовно-правового профиля.

Ключевые слова: историография, политико-правовые учения, российская историографическая модель, национальные типы развития права, методы историографии права, философия уголовного права, историческое познание, немецкая философия права, уголовное право, вина, условное осуждение.

Цитирование: Горбань В.С., Маликов С.В. Историографические и философско-правовые контексты в уголовном праве // Государство и право. 2024. № 9. С. 36–50.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институт государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224090035

HISTORIOGRAPHICAL AND PHILOSOPHICAL LEGAL CONTEXTS IN CRIMINAL LAW

© 2024 V. S. Gorban*, S. V. Malikov**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: gorbanv@gmail.com

**E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Received 19.09.2024

Abstract. The article discusses the problems of developing and improving historiographical approaches to the science of Criminal Law, which are a necessary prerequisite for strengthening and developing the philosophical and legal component in the structure of the scientific nature of Criminal Law. Insufficient attention to the problems of historiographical and philosophical legal studies of criminal law affects the general state and nature of this field of knowledge and social practice. A substantive and constructive-critical study of historiography and relevant contexts in the field of Criminal Law science shows the possibilities of significantly supplementing traditional ideas about the doctrinal content, conceptual structure, as well as the direction of development of the science of Criminal Law, which, in the context of the formation of the architecture of the modern multipolar world, should strengthen its cognitive and explanatory capabilities, demonstrate the stability and independence of domestic science. This is a conceptual understanding, in the terminology of P.A. Florensky, of the genetic series in the conceptual, linguistic and ideological-institutional environment of the science of Criminal Law, the nature and types of development of national criminal law literatures.

Key words: historiography, political and legal doctrines, Russian historiographical model, national types of legal development, methods of historiography of law, Philosophy of Criminal Law, historical cognition, German Philosophy of Law, Criminal Law, guilt, conditional conviction

For citation: Gorban, V.S., Malikov, S.V. (2024). Historiographical and philosophical legal contexts in Criminal Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 36–50.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) “Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia”, carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Уголовное право представляет собой самую консервативную область юридических исследований. Оно традиционно связано с определенным типом национальной политико-правовой культуры и даже служит своего рода индикатором тех наиболее существенных ценностей и благ, которые в конкретном обществе получают наивысшую с правовой точки зрения защиту. Поэтому по характеру уголовного права можно судить о существенных сторонах состояния общественно-го развития и общественной морали. В свою очередь, как писал Л.Е. Владимиров, «законодатель является не отомстителем, а воспитателем своего народа»¹. И в этом смысле уголовное право становится одним из ключевых моментов социально-психологического воздействия права на состояние общественного сознания.

¹ Владимиров Л.Е. Уголовный законодатель как воспитатель народа. М., 1903. С. VI.

Вопросы о том, какие базовые ценности формируют облик и перспективные задачи уголовного права, какие тенденции должны доминировать в науке уголовного права, остаются сквозными и должны отражаться в исследованиях. Так, например, в одной из познавательных работ в области философии уголовного права немецкого правоведа из Университета г. Билефельда В. Шильда с примечательным названием «Конец и будущее уголовного права» по мотивам научных дискуссий и конференций начала 1980-х годов обозначалось в качестве ключевого маркера современного этапа развития уголовно-правовой системы окончание, даже отмирание, всей прежней философии уголовного права (в основном построенной на идеях Канта и Гегеля) и возникновение новой эры, так как, по мнению ученого, принципиально изменились представления о предупреждении преступлений, целях наказания, правах и обязанностях гражданина, ценностях человеческого

поведения, взаимоотношениях гражданского общества и государства².

В историко-правовых исследованиях обращение к уголовному праву является средством прояснения типичных представлений определенной общности или народа о наиболее насущных и близких внутренней культуре охранительных требованиях и принципах, служащих самым непосредственным образом жизнеобеспечению и надлежащему управлению в этой общности.

Как и любая юридическая наука, уголовное право обладает определенным доктринальным содержанием. Оно в целом как некоторый тип теории вмещает в себя суждения о закономерностях таких феноменов, как преступление и наказание, которые и в методологически-познавательном плане, и в институционально-инструментальном разворачиваются в большой комплекс более частных конструкций, идей, принципов, конкретных требований, запретов, характеристик и релевантных для всего этого комплекса связей.

При этом, равно так же, как и любая юридическая дисциплина, уголовное право должно отвечать на вопрос о критериях своей научности, которые, очевидно, совпадают в значительной степени с аналогичным вопросом относительно всей юриспруденции как науки. Правомерность такого рода вопроса оправдана теми многолетними спорами, которые велись и ведутся в юридической науке³. Это важно еще и потому, что существуют популярные точки зрения, которые стремятся придать юридической науке вспомогательный, второстепенный характер. Например, утверждается, что якобы она не имеет реальных референтов в действительности, а потому работает с понятиями, выработанными другими науками. Это тенденциозно выражает не общую точку зрения, но при квалифицированном изучении оказывается вольным или невольным призывом к подражанию определенным течениям или направлениям в прошлом или в современности, как правило, зарубежным. Так, например, в немецкой юридической литературе середины XIX в. под влиянием тех веяний, которые возникли вследствие реакции в философии и юриспруденции, особенно исторической школы права, наиболее наглядно проявилась дискуссия о критериях научности юриспруденции. В конце 1840-х годов берлинский прокурор Ю. Кирхманн выступил с нашумевшим докладом, изданным год

спустя, в котором в названии и содержании заявил крайне провокационный тезис: «О бесполезности юриспруденции как науки»⁴.

В ответ на это спустя два десятилетия другой известный немец подготовил доклад на тему «Является ли юриспруденция наукой?»⁵. В нем Р. Иеринг заявил, подкрепив свою точку зрения внушительными аргументами, что юриспруденция является наукой при соблюдении трех принципиальных условий: 1) когда она имеет философско-правовую часть, направленную на выяснение «конечных оснований, которым право на Земле обязано своим происхождением и своим действием»; 2) когда она имеет историко-правовую часть, прослеживая те пути, которыми следовало право от простейших ступеней до самых высоких; 3) когда она имеет догматическую часть, предполагающую знания о том, как самые передовые на текущий момент времени научные представления о праве могут и должны применяться практически⁶. Трактовка, предложенная Р. Иерингом, совершенно не утратила своего значения и востребованности и в наши дни.

Современное уголовное право в большей степени уделяет внимание третьей части, приведенной выше. Но при дефиците передовых знаний или не замечая их, оно придается в основном уголовной политике. И причем даже не в части применения, сколько возвращаясь к актуальным еще столетие до того вопросам уголовной политики, которая (особенно в 1990-е и 2000-е годы) стала чуть ли не доминантой в уголовном праве, причем в ущерб догматической разработке уголовного права. Оно в целом на сегодняшний день стремится аналитическим путем выработать рекомендации и положения о толковании и применении отдельных норм и юридических конструкций. Причем методология науки уголовного права в основном выглядит как общенаучная, опирающаяся на традиционные приемы философского (научного) позитивизма.

Вместе с тем сегодня все более активно звучат голоса в пользу философии уголовного права (в основном в ее гносеологической части)⁷, которая, по замыслу сторонников такого подхода, должна восполнить значительные пробелы

⁴ Kirchmann J. H. Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft. Berlin, 1848.

⁵ Jhering R. Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868 // Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen, 1998.

⁶ См.: ibid. S. 92.

⁷ Убедительной и аргументированной на сегодняшний день в отечественной литературе является работа С.А. Бочкарёва (см.: Бочкарёв С.А. Философия уголовного права: постановка вопроса. М., 2019; см. также: Голик Ю.В. Уголовное право и философия // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 5–11).

² См.: Schild W. Ende und Zukunft des Strafrechts // ARSP: Archiv Für Rechts- Und Sozialphilosophie. 1984. Vol. 70. No. 1. S. 71–112.

³ См.: Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права: материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2011.

в познавательных и объяснительных возможностях науки уголовного права. Обоснованность такого рода предложения и запроса не вызывает сомнений. Однако их реализация означает развертывание вопроса о природе и характере идейного содержания уголовного права, формирующих его осто́в учений, доктрин, концепций. Нечто похожее мы имели в литературе XIX в., когда специальные исследования сопровождалась в отраслевых науках обзором основных течений или направлений в соответствующей области. Исходя из фундаментальной отсылки к тому, что научная трактовка или изложение не могут быть бесосновными, не опираться на убедительную для автора доктрину, учение или концепцию, в дальнейшем в ходе исследований специальных вопросов уголовного права ответы предлагались, опираясь на базовые принципы соответствующей системы теоретических взглядов. В литературе XX в. проблематика философско-правового содержания уголовного права стала заметно редуцированной по сравнению с предшествующим веком.

В постсоветский период наука уголовного права явно не обрела устойчивой стратегии оценки своей научности и, зачастую подражая иностранным образцам, занялась в основном проблемно-прагматическим рассмотрением отдельных вопросов. Это даже далеко не всегда проблемно-теоретический ракурс, а именно юридизированный прагматизм, нацеленный на пользование знаниями и быстрые практические решения.

Наука уголовного права — это весьма сложная сфера, особенно потому, что она предполагает крайне чувствительные и важные для общественного и индивидуального сознания вопросы безопасности, порядка и защищенности. Категориально-понятийный аппарат, язык, структура, модели построения институциональных компонентов и связей, смысловые характеристики уголовно-правовых норм и запретов должны осмысливаться как основополагающие базовые технологии, которые всегда должны находиться в центре внимания квалифицированного исследователя. Это связано не только с необходимостью их изучения, прояснения, фиксации изменений в теоретическом осмыслении и практическом пользовании, задачами постоянного совершенствования законодательства, реагированием на новые вызовы, но и с насущной необходимостью не допускать попыток пересоздания базовых принципов и ценностей, лежащих в основе уголовного права. Ведь существует множество различных философских концепций, которые могут легко использоваться для искажения действительного положения дел, деградации понятийного языка и законодательной культуры, превращать науку в незатейливое

ремесло. Кроме того, это и еще и вопрос о самостоятельности науки.

По-прежнему актуально звучат слова В.Н. Кудрявцева, написанные еще в начале 1960-х годов: «К сожалению, иногда еще высказывается мнение, что развитие теории права, превращение юриспруденции из “искусства” в науку якобы отделяет науку от практики»⁸.

М.П. Чубинский, обсуждая влияние других наук на уголовное право и весьма характерные для начала XX в. предложения о дифференциации и расширении предметного поля науки уголовного права, писал о том, что борьба теорий, гипотез, взглядов, «являющаяся источником бесконечного прогресса науки, с разной интенсивностью в разные периоды происходила и в науке уголовного права, имеющей за собой многовековое существование; удовлетворяя запросам жизни, подвергаясь натиску ее требований, наука уголовного права пережила несколько формаций, изменяясь как по форме, так и по содержанию»⁹. При этом, как верно отмечал данный ученый, «уголовное право, где решаются вопросы, затрагивающие важнейшие жизненные блага граждан и важнейшие интересы общежития, всегда находилось в живой связи с политическими формами, правовыми, этическими и экономическими идеалами и потребностями общества»¹⁰.

XIX век наглядно и весьма красочно показал влияние различных национальных литератур на развитие правовой мысли, в том числе в области уголовного права. В Германии это — культ теоретической юриспруденции. Вряд ли любая другая страна данной эпохи может сравниться с немцами в области теории и разработки различных догматических принципов, конструкций; это философия права в привычном классическом понимании, так сказать, чистая наука. Французская литература совсем иная, она социологична, стремится к изучению социальных и психологических закономерностей больше, чем к теоретическим системам. Поэтому она совсем не похожа на немецкую. Наконец, английская литература прагматична, последовательно игнорирует теорию как таковую, так что в ней с трудом отыскивается наука уголовного права, в частности. Ничего с течением времени принципиально не меняется. И сегодня с точки зрения зарубежной литературы классическая догматика, теоретическая юриспруденция — это в основном немецкие авторы, социология и психология уголовного права — французы, а судебная казуистика — англичане и американцы.

⁸ Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 4.

⁹ Чубинский М.П. Наука уголовного права и ее составные элементы // Журнал Министерства Юстиции. 1902. № 7. С. 99.

¹⁰ Там же. С. 100.

Философия права как теория отыскивается только в немецкой литературе, социологические ракурсы понимания науки уголовного права и ее основных тем — во французской литературе, англичане хотя и отличаются практическим настроем, но очень мало ценного именно для науки уголовного права могут дать. В этом смысле ни одна из западноевропейских традиций не представляет собой ничего однородного и образцового как универсальный пример.

Многое зависит от тех познавательных и социально-практических задач, которые ставит перед собой отечественная наука. То, что, например, в Германии всегда (по крайней мере на протяжении двух последних веков) была серьезная и обширная теоретическая литература по уголовному праву, не вызывает никаких сомнений. Однако внутри данной литературы множество своих противоречий, борьбы идей, направлений, есть прогрессивные и слабые позиции. Поэтому нужна глубокая и объемлющая историографическая и источниковедческая работа по изучению и описанию действительного хода развития национальной науки и литературы по уголовному праву. Это лучше показывает и состояние отечественной науки уголовного права на разных ступенях ее развития, ее тип и характер. На самом деле науки в России и Западной Европе развивались относительно синхронно. Есть проблема надлежащего понимания природы науки. Например, в немецкой юридической литературе XIX в. и в последующем легко найти утверждения, что в привычном для немца смысле юридической науки нет ни в Англии, ни во Франции. Н.А. Полетаев верно отмечал, что в Англии существует обширная комментаторская литература и разнообразные источники, но «наука права в Англии не достигает своей цели, собственно и не есть наука в строгом ее значении: это только переходная ступень к ней, ибо она представляет юридический материал в некотором порядке, которого далеко недостаточно для науки в ее современном смысле. <...> лучшие системы английского права — это немецкие курсы»¹¹.

В связи с приведенными соображениями весьма примечательны размышления русских ученых-криминалистов о роли т.н. германского влияния на науку уголовного права, которые велись в период Первой мировой войны в 1915–1916 гг., начало которым было положено В.Д. Набоковым¹². Идеи немецкой юридической науки часто оставались идеями, не претворяясь в жизни. Немецкая

юридическая наука очень консервативна и медлительна в исторических масштабах. Язык немецких сочинений очень тяжелый, а часто вообще трудно-понимаемый. На это как раз обращали внимание В.Д. Набоков и Н.Н. Полянский¹³. Гораздо привлекательнее и с литературно-эстетической точки зрения удобнее изложение материала во французской литературе. Но это совершенно иной тип науки уголовного права. В.Д. Набоков пишет: «Науки <...> в широком смысле слова равным образом пополняются из общей сокровищницы человеческой мысли. Но <...> нельзя не видеть, что именно в юриспруденции естественно и законно должны проявляться национальные черты каждого народа. Здесь мы <...> вступаем в область духовного творчества, этических учений, создания правнopolитических идеалов»¹⁴.

П.И. Люблинский, например, восхищается прагматизмом английского уголовного права, которое не боится даже «практических абсурдов», но при ближайшем изучении привычной для англичан манеры легко отказываться от теоретических принципов ради назревшей практической потребности рассматривается как пример «некоторого одичания юридической мысли» (В.Д. Набоков)¹⁵. А.А. Жижиленко, напротив, подчеркивает непререкаемое значение немецкой теоретико-догматической юриспруденции для развития русской науки уголовного права¹⁶. Обращает на себя внимание и общая тональность полемики — «об ориентации русской науки уголовного права», которая по-прежнему искала образов для подражания.

История науки уголовного права — это отнюдь не только история ее изучения в университетах. Материя и форма науки складывались из множества разнообразных представлений, которые тесным образом связаны с историей народа. И даже в истории западноевропейских стран предметно-дисциплинарная организация юридических наук появляется только в начале XIX в. Так что вряд ли мы найдем в предыдущих эпохах множественные научные сочинения по уголовному праву, кроме различных сборников и компендиумов из римских источников. В 1814 г. Ф. Савиньи под натиском французского гражданского права уверял своих

¹³ См.: Полянский Н.Н. Спор о будущей ориентации русской науки уголовного права // Юридический Вестник. 1916. Кн. XIII (I). С. 155–168.

¹⁴ Набоков В.Д. Указ. соч. Стб. 2777.

¹⁵ См.: Набоков В.Д. Об «опасном состоянии» преступника, как критерии мер социальной защиты [1] // Право. Ежедневная юрид. газ. 1910. № 18 (2 мая). Стб. 1114–1123; [2]. № 19 (9 мая). Стб. 1173–1185.

¹⁶ См.: Жижиленко А.А. К вопросу о прошлом и будущем русской науки уголовного права // Право. Ежедневная юрид. газ. 1915. № 45 (8 ноября). Стб. 2858–2867.

¹¹ Полетаев Н.А. Наука уголовного права в Англии // Журнал Министерства Юстиции. 1863. Т. XVII. С. 363.

¹² См.: Набоков В.Д. К вопросу о будущей ориентации русской науки уголовного права // Право. Ежедневная юрид. газ. 1915. № 44 (1 ноября). Стб. 2773–2790.

современников, что немцам нужен свой гражданский кодекс (впервые), свой национальный немецкий, а не французский, хотя он сплошь из передовых идей, возникших из римского права, но к его появлению, созданию, уверял немецкий классик, немецкое правоведение совершенно не готово пока, а когда будет готово, то свой кодекс может и не понадобиться¹⁷.

Н.Д. Сергеевский еще в конце 1870-х годов в духе общих тенденций в России, в Западной Европе в части «позитивации» научности юриспруденции и отказа от прежних спекулятивных методов философии весьма убедительно ставил вопрос об «условиях прогресса нашей науки уголовного права»¹⁸. По его мнению, для развития науки уголовного права нужны четыре условия:

национальное направление. Уголовное право, писал Н.Д. Сергеевский, равно как и наука уголовного права, «должны иметь национальный характер»¹⁹, а то вместо Уложения Алексея Михайловича, как подчеркивал ученый, наши студенты начинают и заканчивают свое обучение Каролиной;

сравнительный метод, предполагающий изучение опыта других народов, что само по себе служит важнейшим источником прогресса в науке. Об этом, в частности, мечтали и немцы, начиная еще с П. Фейербаха;

«наука уголовного права не может ограничиваться изучением одних только “уголовных” определений положительного права», ведь «криминалист, ограничивающий свои знания только уголовными законами, изучает одну только форму, не касаясь содержания», и не знает, «за что наказывает закон и что стремится охранить он своей карой»²⁰;

наука уголовного права не может ограничиваться только действующим правом, оставив в стороне его историю. Без истории, подчеркивает Н.Д. Сергеевский, мы «отрекаемся от всего того, что дает жизнь действующему закону, и превращаем его в мертвую массу правил, обязательность которых основывается единственно на силе, на угрозе наказанием»²¹.

М.Д. Шаргородский верно отмечал два существенных для развития науки уголовного права момента. Во-первых, в освещении истории уголовно-правовой мысли чрезмерно и неточно,

по традиционным лекалам и упрощенным схемам транслируется мысль об учениях и работах иностранных мыслителей, а русской истории политико-правовой мысли уделяется крайне недостаточное внимание. Это действительно так, ведь гораздо удобнее и проще использовать готовые шаблоны, чем создавать свои. На родине иностранных писателей отношение к ним часто иное, чем то, которое нередко выражается, в частности, в русской юридической литературе. Во-вторых, науке уголовного права явно недостает критического анализа иностранной литературы, популяризаторских усилий²².

Н.Н. Полянский на примере оценок отношения к роли работы французского криминалиста Ферри «Уголовная социология» убедительно пишет: «Как легко можно, подчеркивая одно и закрывая глаза на другое, обесценить научную мысль любой страны и, конечно, в любой отрасли человеческого знания»²³.

Весьма примечательным и познавательным для источниковедения и историографии науки уголовного права является систематическая научная критика, в том числе литературная, и научно-реферативные обзоры основной литературы, претендующей на раскрытие научных проблем уголовного права, а не вскользь затрагивающие важнейшие его вопросы или по своим жанровым характеристикам вовсе не имеющие отношения к серьезным научным трудам. Например, в 1909 г. П.И. Люблинский публикует обзор литературы науки уголовного права за 1908 г.²⁴, который, хотя и отличается краткостью, но, тем не менее, критически и в контексте научных школ показывает характер появляющейся научной литературы. Замечания П.И. Люблинского в отношении реализации задачи по обзору литературы по уголовному праву, а также о характере этой литературы непосредственно могут быть использованы для оценки нынешнего состояния уголовно-правовой литературы. Это, безусловно, касается и дифференциации наук, но справедливо также по отношению к самому характеру литературы, которая пестрит таким разнообразием легкого жанра, что проблемой нередко становится вопрос об отграничении собственно научной литературы по уголовному праву от того, что с трудом может называться научной литературой вообще. П.И. Люблинский верно отмечает: «Нельзя не обратить внимания на одну свойственную нашей литературе черту, а именно

¹⁷ См.: Savigny F.C. Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814.

¹⁸ Сергеевский Н.Д. Философские приемы и наука уголовного права // Журнал Гражданского и Уголовного Права. 1879. Кн. 1 (Январь – февраль). С. 39–87.

¹⁹ Там же. С. 77.

²⁰ Там же. С. 81.

²¹ Там же. С. 82.

²² См.: Шаргородский М.Д. Итоги философской дискуссии и некоторые вопросы науки уголовного права // Сов. государство и право. 1948. № 3. С. 12–20.

²³ Полянский Н.Н. Указ. соч. С. 162.

²⁴ См.: Люблинский П.И. Обзор литературы науки уголовного права за 1908 г. // Право. Еженедельная юрид. газ. 1909. № 26 (28 июня). Стб. 1537–1548.

крайнюю изолированность творчества. Не чувствуется связи между отдельными работниками и работами, не чувствуется той однородности интереса, которая позволяет зарождаться и развиваться не только отдельным взглядам в науке, но и течениям в ней. Эта изолированность творчества проявляется в слабости того отклика, который встречается или, вернее сказать, не встречается в криминалистической среде новая книга или новая мысль. Появление рецензии до крайности редко, научная полемика — почти вымершее явление»²⁵. Эти слова совершенно точно описывают нынешнее состояние юридической науки вообще, что определенно требует объединяющих усилий в разработке и освещении научных проблем как фундаментальных юридических наук, так и отраслевых.

Речь, конечно же, не идет том, чтобы просто привлекать знания из области философии и философии права для нагромождения науки уголовного права. Нужен принципиально иной тип отношения к роли и назначению философии права, когда изучается, анализируется, отбирается критическим путем только по-настоящему лучшее и пригодное, обобщаются и концентрировано излагаются достижения и результаты национальной и мировой науки. Не говоря уже о том, что только на подготовленной исторической и историографической основе может быть сформулирована та или иная концепция философии уголовного права — формальная или материальная.

Наука уголовного права не нуждается просто в обобщениях и обзорах отдельных школ и направлений. Это лишь предварительная, так сказать, обзорно-реферативная работа. Это должен быть сложный комплекс источниковедческих, историографических и идеографических исследований, позволяющих на основе верифицируемых и достоверных данных, в том числе массивов данных, показать не только содержание направлений и школ, но и критически осмыслить состояние науки в целом и ее идейно-институциональной среды, подвергнуть критическому рассмотрению возможности использования различных понятий и конструкций. С.В. Познышев писал, что «главное содержание уголовно-правовой науки» образует «не простое описание того, что *было и есть*, а указание того, что *должно быть* в изучаемой области и критическая оценка существующего»²⁶.

Например, распространение популярных в иностранной литературе и теперь в российской юридической науке подходов о новых типах рациональности, дискурсивных моделей означивания

смыслов и назначения правовых явлений и феноменов, сопровождаемых различного рода обозначениями со словом «современность» или полугагадочным французским «модерн», с одной стороны, является традиционным либеральным мышлением, позволяющим легче отказываться от устаревших и инертных правовых норм и принципов, а с другой — ведет нередко также и к расшатыванию прочности юридических понятий. В настоящее время гораздо легче пересматривается структура и связи норм. Расположение нововведений в тексте Уголовного кодекса часто приводит к текстуальным нагромождениям и множественным примечаниям. В итоге язык уголовного права не стремится к определенности, а напротив, по сути, допускает более свободное обращение с понятиями и терминами, а законодательный пробел, или, так сказать, дефект, либо просчет вдруг становятся даже новой нормальностью. В таком контексте недостатки законодательной работы и предварительной доктринальной проработки (в том числе философско-правовой и историко-правовой) вопросов уголовного права объявляются просто типом нормальности, якобы правовые нормы должны быть с браком и дефектами. Патологическое состояние начинает рассматриваться как нормальное²⁷, и таким образом возникает своего рода философия патологии уголовного права как «нормальная» теория. Моменты иррационального, случайного становятся определяющими, а обычное нормальное состояние нормы рассматривается как своего рода идеальный тип по методологии философского (научного) позитивизма, служащий лишь шаблоном оценки.

Когда мы изучаем историю уголовного права в виде отдельных памятников законодательства, норм и требований, особенно в сравнительном ключе, то легко обнаруживаем черты сходства и различия, наборы конкретных охранительных запретов. Сравнительный анализ гораздо легче помогает выявить и выяснить характер и назначение уголовно-правовых требований и мер в различных правопорядках.

Например, современное уголовное право многих стран знает условное осуждение, которое в целом рассматривается как инструмент индивидуализации наказания. Появление самой идеи условного осуждения обусловлено социологическим пониманием и методом анализа уголовного права. Если мы возьмем российское или английское уголовное право, то в обоих случаях можно видеть конкретный инструмент индивидуализации наказания судом (ст. 73 УК

²⁵ Люблинский П.И. Указ. соч. Стб. 1548.

²⁶ Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. М., 1912. С. 2.

²⁷ В отличие от идеи трактовки науки уголовного права как «общественной патологии» у А.А. Пионтковского (см.: Пионтковский А.А. Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение. Ярославль, 1895. С. 23).

РФ или британский Criminal Justice Act 1948 в разделе «Probation and discharge»²⁸). Российское уголовное законодательство определяет сферу применения пределом санкции до восьми лет лишения свободы, а английское — оставляет этот вопрос, по сути, открытым, так как допускает применение условного осуждения только по тем преступлениям, по которым не предусмотрено конкретное наказание законом. Но общий смысл в обоих случаях схож. Напротив, в Германии условное осуждение помещено в разделе «Правовые последствия деяния», а в Уголовном кодексе РФ — в главе о назначении наказания. Однако в Германии условное осуждение — это не средство индивидуализации наказания, а средство дифференциации уголовной ответственности. Согласно § 56 Уголовного уложения Германии условное осуждение применяется практически по всем приговорам с наказанием до одного года лишения свободы, а в исключительных случаях и при лишении свободы на срок двух лет. Конечно, при этом учитываются характер и степень общественной опасности деяния, личность преступника, предшествующая биография и т.п. Но таким образом решается совсем иная задача — уголовно-политическая и уголовно-исполнительная, в том числе разгрузка исправительных учреждений, учитывая всегда высокие показатели преступности в ФРГ — ежегодно в диапазоне 5–6 млн зарегистрированных преступлений при численности населения немногим более 80 млн человек.

В Великобритании также высокие показатели преступности, что приводит к таким своеобразным решениям, как просто отпустить заключенных. Например, англичане бьют тревогу из-за того, что сейчас еженедельный прирост заключенных в местах лишения свободы составляет более 2000²⁹ человек, а точнее 2188. Британские исправительные учреждения сообщают о тотальной нехватке мест в учреждениях. Поэтому они недавно просто отпустили 1700 заключенных, не отбывших даже половины назначенного им наказания, причем без всяких условий и ограничений, что вызывает большую тревогу у тех организаций, которые содействуют ресоциализации. А полиция и суды заявляют, что они не могут никого задерживать, так как негде содержать задержанных и осужденных к лишению свободы³⁰.

²⁸ URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11-12/58/part/I/crossheading/probation-and-discharge/enacted>

²⁹ См.: URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13847179/Prison-population-drops-week-Keir-Starmer-early-release-scheme.html>

³⁰ См.: Großbritanniens Regierung entlässt Häftlinge. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/grossbritannien-gefaen-gnisse-entlassungen-100.html> (10.09.2024); <https://www.naturalnews.com/2024-08-25-uk-frees-violent-criminals-accommodate-thought-criminals.html> (10.09.2024)

Пример с условным осуждением показывает, что даже на таком относительно небольшом участке уголовного права даже при беглом анализе возникают вопросы концептуального характера: какова существующая и возможная природа данной меры, ее системные связи, назначение, как она влияет на уголовную статистику и не следует ли развить аналогичные конструкции, учитывая возможности социологического метода в уголовном праве. Возможно, в этой связи это может быть более дифференцированный подход внутри самой меры и т.п. Например, увеличение числа оправдательных приговоров может влиять и на количество случаев условного осуждения, но это уже системный анализ.

Материал науки уголовного права сплошь и рядом состоит из различных понятий и категорий, требующих глубоких знаний философии, психологии и других социальных наук. Понятия справедливости (ст. 6 и ч. 2 ст. 43 УК РФ), причины, причинно-следственной связи, принципа, времени (действие закона во времени, время совершения преступления, длящееся и продолжаемое преступление), срока, сознания, воли, мотива, цели, поступка, деяния (действия, бездействия), категории (преступлений, родового, видового, специального объектов; общего и специального субъектов), общего и специального (Общей и Особенной частей, общей и специальной нормы, основного, квалифицированного и привилегированного составов) и многие другие, несомненно, требуют глубоких знаний в области философии и ее познавательного языка, если, конечно, речь идет о науке.

Кроме того, наука уголовного права меняется под влиянием самых разнообразных обстоятельств: политических, социальных, экономических. В середине 1990-х годов уголовное право устремилось к повторению иностранных образцов, частичному воспроизведению досоветского опыта, деполитизации советского уголовного права, переосмыслению отношения к вопросам охраны собственности и регулированию (охраны) экономической деятельности, реагированию на новые вызовы в сфере общественной безопасности. В дальнейшем были известны проекты либерализации уголовного законодательства.

В последнее время обосновано актуализировались задачи по усилению национально-патриотических тенденций, обеспечению реализации конституционных требований о защите и недопустимости искажения исторической правды, в том числе о роли советского народа в победе над нацизмом. И наука уголовного права должна в принципе иметь в своей основе фундаментально разработанный национально-патриотический компонент, служащий формулированию ее

основополагающих задач и принципов. Просто защита традиционных национальных ценностей, исторической памяти народа должны рассматриваться как имманентные темы и структуры аксиологических характеристик конкретных требований и норм уголовного права. Это должно быть не просто декларацией, а сквозной темой и ключевым аргументом в освещении релевантных разделов уголовного права.

Укрепляя свои научные позиции и реализуя соответствующие потенциалы, наука уголовного права должна усилить внимание к философско-правовым и историко-правовым аспектам в природе и характере своей научности. Но такая установка реализуема только, если надлежащим образом освоено и реализуется историографический компонент. Можно сказать, что серьезным шагом в направлении развития историографии науки уголовного права было бы комплексное исследование и обобщение различных историко-философских контекстов понятийного языка и всей идейно-институциональной внутренней среды уголовного права. Одним словом, нужна комплексная и всеобъемлющая история философии уголовного права. Причем она должна строиться не на устаревших шаблонах приложения философии в западноевропейской традиции ее изложения к основным вопросам уголовного права. Необходима разработка концепции истории философии права, ее источниковедческого и историографического компонентов. Она, как и любая наука, должна опираться на большие массивы данных, сравнительные исследования, что позволило бы значительно лучше оценить возможности и потенциал современной науки уголовного права. При этом ошибочным было бы полагать, что привычная для многих современных работ попытка просто большими фрагментами описывать учения и концепции, не прибегая к аналитической работе, может заменить серьезную научную работу над историей философии уголовного права и разработкой историографических контекстов современного уголовного права. Если мы приступаем к изучению конкретных проблем уголовного права, то необходимо не просто обратиться к одному или нескольким источникам, но изучить характер научных дискуссий, степень разработанности проблемы, провести источниковедческий анализ, исключающий использование ненадежных и случайных источников, мимоходом брошенных высказываний, мнений и прочих формул, которые не основаны на серьезных обобщениях практики и глубоких знаниях теории. Напротив, обращаясь к философии права, явно упрощенными выглядят попытки просто сослаться на пару позиций в учебниках или отдельные мнения. Материал философии права значительно сложнее и для квалифицированного исследователя представляет собой совершенно конкретное

изучение мировоззренческих аспектов политико-правовых явлений. Поэтому нужна именно совместная работа обеих областей юридических знаний.

Даже вопрос о типах понимания права предполагает в применении к области уголовного права ответ, какого же ключевое понимание права, разделяемое современной наукой уголовного права, какой тип научной аргументации она признает, как реагирует на феноменологические, гносеологические, коммуникативные и прочие концепции, популярные в мировой литературе.

Профессор К. Кюль из немецкого Тюбингена в 2001 г. опубликовал работу (доклад) под названием «Значение философии права для уголовного права»³¹. В ней он ставит ряд важных вопросов о связях философии права с наукой уголовного права и практикой применения уголовного права, предлагая при этом свой взгляд на возможности построения оригинальной концепции философии уголовного права на основе сочетания двух принципов — свободы и солидарности. Последний означает фокусирование внимания на идее долга и взаимопомощи как основаниях оценки релевантных для смысла уголовного права поступков³². Кюль предлагает обзор основных школ и направлений в немецкой литературе, которые, по его мнению, могут дать представление о разработке немецкими учеными философско-правового компонента в науке уголовного права. В целом материал информативен, но явным недостатком работы является поверхностная попытка произвольно трактовать проблематику философии права, подменяя ее ссылкой на любую философскую или теоретическую концепцию, что размывает предмет исследования. В работе явно ощущается недостаток философско-правового образования. Даже в немецкоязычной традиции имеется немало серьезных исследований и разработок философии уголовного права. Автор же пытается показать на примере отдельных уголовно-правовых тем, таких как понятие преступления, наказания, мошенничества, как те или иные авторы используют в своих работах материалы философов от Гоббса до Канта и Гегеля, но и некоторых популярных философов и социологов XX в. (Ю. Хабермас и Н. Луман).

Работы другого немецкого ученого, известного в Германии специалиста по уголовному праву В. Кюпера³³, ранее профессора Гейдельбергского университета, имеют большее

³¹ Kühl K. Die Bedeutung der Rechtsphilosophie für das Strafrecht. Baden-Baden, 2001.

³² См.: *ibid.* S. 53.

³³ См.: Küper W. Strafrechtliche Beiträge zu Rechtsgeschichte und Rechtsphilosophie. Herausgegeben von Michael Hettinger u. Jan Zopfs. 2017.

познавательное значение в контексте обсуждаемой темы. В его трудах разных лет раскрывается комплекс философско-правовых и историко-правовых аспектов науки уголовного права, включая вопросы философии уголовно-правовой политики в эпоху Просвещения, идеи уголовного права П. Фейербаха, взгляды Г. Гейне, разнообразные ракурсы обсуждения основополагающих тем уголовного права в контексте классических философских концепций, например «уголовный закон как категорический императив» в смысле правового учения Канта, природы воздаяния за преступления, обстоятельств, исключающих преступность деяний, и др. Работы Кюпера наглядно демонстрируют интерес к прояснению природы уголовно-правовых проблем в контексте философии права и истории права. Однако они также носят характер специальных исследований, в которых теоретико-методологические вопросы историографии философии уголовного права либо не затрагиваются вовсе, либо ограничиваются лишь небольшими эпизодами.

Любопытна для понимания обсуждаемых проблем полемика, которая развернулась некоторое время назад между двумя немецкими учеными — проф. Й. Бунгом из Университета Гамбурга и проф. К. Гирхакке из Университета Регенсбурга. В 2015 г. Й. Бунг выступил перед юридическим факультетом своего университета с докладом «Пять основных проблем современного уголовного права», который позже опубликовал³⁴. Содержание доклада весьма провокационное, сформулировано в духе современных постмодернистских тенденций, выражает скептическое отношение к уголовному праву в качестве самостоятельной юридической науки как таковой. В начале доклада он ставил вопрос о роли философии права в области уголовного права в таком ключе: либо философия права вообще ни имеет никакого значения для этой сферы, либо она так глубоко вплетена в ткань уголовного права, что имеет для последнего ключевое значение, как несущий его каркас, подобно тому, какую роль играет римское право для цивилистики. В качестве пяти основных проблем современного уголовного права он называет следующие: принцип определенности, принцип вины, цели наказания, нарушения обязанностей, трансграничность (трансгосударственность) и права человека.

Й. Бунг придерживается точки зрения, что большинство криминалистов, специалистов в области уголовного права легко обходятся без всякой философии права, так что, по его мнению, от нее как таковой в области уголовного права можно

вовсе отказаться. Он, в частности, полагает, что обращение к философии права только создает излишнее напряжение, трудности в понимании основных вопросов уголовного права и ведет к путанице в определенности значимых для этой сферы вопросов. Его аргументация крайне хаотична, плохо связаны между собой выдвигаемые против философии права утверждения. «Старые либеральные основополагающие премудрости» — это и есть в интерпретации Й. Бунга собственно философия права. На них, по его убеждению, ссылаться невозможно, хотя некоторые все же можно оставить, например кантовское понятие права. Другим значимым для его позиции аргументом является утверждение о том, что общества, часто обращающиеся к наказанию преступников, не являются хорошими обществами, они ненадежные и не безопасные общества, «которые не могут взять под контроль условия их страха»³⁵. Здесь важно обратить внимание на то, что, например, США, Германия и Англия имеют крайне высокие данные по преступности и частоте наказания, так что, вероятно, именно они в центре внимания данного ученого. Следующим аргументом Й. Бунга служит суждение о том, что «философско-правовое понятие строго узкого уголовного права может быть легко переложено на язык конституционно-правовых аргументов»³⁶, что в его трактовке ведет к выводу о возможности просто заменить уголовное право в его, так сказать, базовой части посредством конституционного права или иного права, имеющего большее общественное признание (по всей видимости, международное).

В итоге Й. Бунг приходит к заключению, что названные три аргумента уже достаточны, чтобы «отказаться от философии права лишь по причине экономии времени»³⁷. Такая мода была озвучена еще философским учением эмпириокритиков, которые призывали к экономии интеллектуальных сил, «экономии мышления»³⁸.

Й. Бунг лукавит, критикуя философию права. Судя по опубликованному тексту его доклада, в философии права он ориентируется весьма поверхностно и произвольно-потребительски интерпретирует как природу философии права, так и собственно уголовного права. Ему кажется привлекательной точка зрения постмодернистов, особенно философско-лингвистическая концепция Л. Витгенштейна. Но это как минимум тоже определенное направление в философии. Отсюда

³⁵ Ibid. S. 340.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid. S. 341.

³⁸ См.: Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М., 2003.

³⁴ См.: Bunge J. Fünf Grundprobleme des heutigen Strafrechts // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik (ZIS). 2016. S. 340–344.

следуют и его ключевые аргументы. От принципа определенности в уголовном праве призывает он отказаться вообще, так как это невозможно в его трактовке. Однако убеждает его в этом не столько творчество Витгенштейна, сколько повторение аргументов концепции лингвистической философии в адрес своих других философских концепций. Соответственно, он утверждает, что язык с самого начала не выражает строго определенного значения, а в области уголовного права это будет означать невозможность формального выведения правовых гарантий дедуктивным путем с помощью юридической методологии. Спаста дело, по убеждению Й. Бунга, может лишь «объемлющая модель означивания в рамках правовой коммуникации»³⁹

Далее Й. Бунг критикует принцип вины в уголовном праве, утверждая безапелляционно, что многие специалисты в области уголовного права в Германии предлагают даже отказаться от этого принципа вовсе. Сам он подчеркивает, что уголовное право ничего не знает о природе вины. Он приводит в качестве примера «макрокриминальные события, как геноцид», для которого, по его мнению, вопрос о неправомерности деяния якобы не связан с вопросом об индивидуальной вине. По всей видимости, Й. Бунг плохо знаком с содержанием приговора Нюрнбергского трибунала, который четко и последовательно опровергает его точку зрения⁴⁰. Это важнейший в истории и на сегодняшний день юридический акт не носит абстрактного характер, а содержит осуждение конкретных деяний и конкретных лиц, в том числе устанавливает их вину в совершении соответствующих деяний. Другим примером для него служит уголовное право несовершеннолетних, где вопросы вины трактуются с учетом возрастной психологии и имеют определенную специфику⁴¹.

К. Гирхаке, которая резко критически выступила против подобных вольных трактовок уголовного права (хотя они имеют определенную отсылку к прошлому — например, дискуссии начала XX в. об общественной опасности лиц и социальных мерах защиты), верно пишет: «Если бы уголовное право было просто игрой ума, оно, несомненно, могло бы быть восхитительным, и было бы достаточно занять то одну, то другую позицию, игриво поворачивая их то туда, то сюда, но в конечном итоге оставляя их открытыми»⁴².

Девальвирует Й. Бунг и значение целей наказания, которые, по его мнению, превратились в «фетиши» и не имеют значения «системного фактора» для исчисления уголовной ответственности⁴³. Здесь он ссылается на взгляды Ницше и утверждает, что те, кто придаются вере в устойчивые и прочные понятия, подозреваются в «аутизме»; учения Канта, Гегеля, Фейербаха и фон Листа, по его мнению, несмотря на всю свою грандиозность, оставляют без ответа самый главный вопрос: следует ли и почему следует наказывать. Отсюда для Й. Бунга напрашивается возможный вывод, что проблеме вины в уголовном праве можно перевести, как он уверяет, в конституционно-правовую формулу, которая гласила бы, что предупреждение преступлений должно ограничиваться вопросом вины⁴⁴, хотя при этом он же ранее заявлял, что наука уголовного права вовсе не знает, что такое вина.

В отношении «нарушения обязанностей» как ключевой проблемы уголовного права в трактовке Й. Бунга его аргументация выглядит еще более запутанной и специфичной. Основную мысль его интерпретации можно передать его же словами: «Когда увеличивается компетенция лица, то уже не существует простой зависимости между соответствующим простотой обязанностей и криминализацией с точки зрения такой формы совершения преступления, как неисполнение обязанностей»⁴⁵.

Наконец, пятая в схеме проблем современного уголовного права, по Бунгу, заключается в том, что существуют преступления, которые остаются таковыми независимо от места совершения преступления. Имеется в виду территория национального государства. В таком случае Бунг предлагает рассматривать потерпевшим все человечество. Весьма специфический взгляд на природу преступлений в сфере международного уголовного права. Бунг опять же вовсе не ссылается на Нюрнбергский или Токийский трибуналы, а предлагает международное право превратить в некую идею (коммуникативную формулу или среду) «единого человечества».

Критика позиций Й. Бунга, которая прозвучала на страницах того же издания от К. Гирхаке, здравомысленная, но явно недостаточная, так как она все же очень пытается найти разумное основание для правомерности такого рода интерпретаций в тех же аргументах, которые предлагаются Й. Бунгом. Точка зрения Й. Бунга привлекает внимание отнюдь не попытками научного осмысления основных проблем уголовного права с позиции философии права, а вольным обращением как с философией права, так и с уголовным правом. Если в основе философии

³⁹ Bung J. Op. cit. S. 340.

⁴⁰ См.: Признать виновными. Приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге / предисл. А.Н. Савенкова, А.Г. Звягинцева. М., 2021. С. 7–92.

⁴¹ Bung J. Op. cit. S. 341.

⁴² Gierhake K. Fünf Grundprobleme des heutigen Strafrechts. Eine Replik zu Jochen Bung // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik. 2026. No. 11. S. 733.

⁴³ См.: Bung J. Op. cit. S. 341.

⁴⁴ Ibid. S. 342.

⁴⁵ Ibid.

уголовного права должна, по мнению Бунга, быть концепция лингвистической философии Витгенштейна, то это как минимум должна быть последовательная и логически связанная с ее идеями разработками теоретических взглядов.

Пример заблуждений Бунга поучителен тем, что постмодернистские деконструкции традиционных юридических понятий, теорий и вообще отношения к философии права весьма популярны как за рубежом, так и в отечественной литературе. Они не носят характер уточнения или дополнения ракурсов рассмотрения уголовно-правовых проблем, а претендуют на полную замену всех прежних достижений. Поэтому в русле такого рода рациональностей проблема истории становится угрожающей им опасностью. Она, поскольку не может быть устранена полностью, переводится в разряд когнитивных исследований, фокусируется на психологии сознания историка. Пример размышлений Бунга, как и большинства постмодернистских трактовок правовых проблем, показывает черту, свойственную описанному в русской классической литературе XIX в. нигилизму как культурной точке зрения, которая легко соглашается с тем, чтобы все отменить или опровергнуть, но собственных идей, созидательных представлений вовсе не содержит. Так и Бунг легко девальвирует проблему вины, целей, уголовно-правовых понятий, но ничего внятного взамен не предлагает.

Поэтому для развития уголовного права его теории и методологии нужны в первую очередь фундаментальные историографические исследования науки уголовного права, ее характера, понятийного языка, историко-философских оснований основных смыслообразующих конструктов. Важно понимание универсально-мирового и национально-цивилизационного типа развития уголовного права и формирующих его доктринальный каркас идей. В связи с этим необходимо учесть, что речь вовсе не идет о том, чтобы восполнить пробелы в знаниях зарубежной философии, в частности философии права и философии уголовного права, которая еще в XIX в. была представлена серьезными изданиями. Это важная часть, но отнюдь не главная и не исчерпывающая. Для развития современной юридической науки в целом и уголовного права в частности нужна среди прочего фундаментальная разработка национального правосознания, его действительных, а не шаблонно подсказанных и упрощенно трактуемых оснований и смыслов. Этому может содействовать усиление сравнительно-правовых исследований уголовно-правовых институтов и идей, понятий, словаря, практики в различные исторические эпохи: от глубокой древности до наших дней. Давайте представим себе, что исследование философии уголовного права начнется не с априорного восхищения каким-то мифическим состоянием интеллектуальной среды где-то там, а с достоверного

и верифицируемого изучения и изложения состояния правовой жизни, правовой культуры, правовой литературы и т.п. Можно начать изучать философию уголовного права во Франции XIX в. с романов В. Гюго, особенно письма итальянским издателям его романа «Отверженные», и проблема смысла уголовного права этой страны станет куда более отчетливой. Или, если предвзято анализ уголовно-правовой доктрины той или иной страны, изучить криминальные хроники, статистику по уголовным делам, надзорные материалы, местные СМИ, обобщения и обзоры ведомств и прочие аналогичные материалы, а затем обратиться к изучению оригинальной национальной литературы, историографии и полноте данных, источниковедческому анализу, то в итоге можно ожидать по-настоящему основательную и приближенную к национально-культурному типу картину состояния науки и практики уголовного права.

Одна из самых информативных концепций в области философии права и историографии науки уголовного права, правда, только относительно немецкого материала, была создана Ф. Берольцгеймером в начале XX в. в опубликованной им объемной и основательной работе в пяти томах под названием «Система философии хозяйства и права», пятый (заключительный) том которой был посвящен философии уголовного права и реформам уголовного права⁴⁶. Эта работа содержит внушительный обзор различных теорий и учений (с. 3–42 оригинала), в которых как ключевой маркер, определяющий философское осмысление уголовного права и его эволюцию, рассматривается вопрос о вине, в фокусе которой трактуются все остальные общие и специальные вопросы уголовного права. Эта проблематика, как свидетельствуют исследования, вовсе не утратила актуальности и в наши дни, особенно в зарубежной литературе.

В качестве примеров попыток современной разработки философии уголовного права в зарубежной литературе можно назвать исследование (диссертация) немецкого ученого Д. Бёма «Уголовно-правовая законность как принцип» о взаимосвязи юридико-позитивистских и гносеологических основ законности как принципа уголовного права⁴⁷, работу аргентинского ученого М. Ферранте «Философия уголовного права»⁴⁸, оксфордский справочник по философии уголовного права, который носит

⁴⁶ См.: *Berolzheimer F. System der Rechts- und Wirtschaftsphilosophie*; Bd. 5. Strafrechtsphilosophie und Strafrechtsreform. München, 1907.

⁴⁷ См.: *Böhm D. Strafrechtliche Gesetzlichkeit als Prinzip? Eine Untersuchung über das Spannungsverhältnis zwischen positivrechtlichen und erkenntnistheoretischen Grundlagen strafrechtlicher Gesetzlichkeit*. Frankfurt am Main, 2013.

⁴⁸ *Ferrante M. Filosofía y derecho penal*. Buenos Aires, 2013.

эссеистический характер⁴⁹, сборник отдельных эссе шотландского правоведа Д. Гарднера по философии уголовного права⁵⁰, исследование (диссертация) Р. фон дер Хейдта о философских основаниях связей уголовного права и нейронаук⁵¹, сборник эссе Д. Хусака «Философия уголовного права»⁵², исследование коллектива испанских криминалистов «Кризис современного уголовного права»⁵³. Познавательные работы, но они крайне редко показывают историографические контексты исследуемых вопросов уголовного права, что часто приводит к хорошо известным обсуждениям и проблемам прошлого, а кроме того, в них редко обозначается концептуально проблематика философии уголовного права. Для формирования надлежащей философии уголовного права необходима историографическая часть, которая позволяет разработать и объединить хронологический, проблемно-теоретический, конструктивно-критический и прагматико-эссеистический подходы к ключевым моментам и вопросам науки уголовного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочкарёв С.А. Философия уголовного права: постановка вопроса. М., 2019.
2. Владимиров Л.Е. Уголовный законодатель как воспитатель народа. М., 1903. С. VI.
3. Голик Ю.В. Уголовное право и философия // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 5–11.
4. Жижиленко А.А. К вопросу о прошлом и будущем русской науки уголовного права // Право. Еженедельная юрид. газ. 1915. № 45 (8 ноября). Стб. 2858–2867.
5. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 4.
6. Люблинский П.И. Обзор литературы науки уголовного права за 1908 г. // Право. Еженедельная юрид. газ. 1909. № 26 (28 июня). Стб. 1537–1548.
7. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М., 2003.
8. Набоков В.Д. К вопросу о будущей ориентации русской науки уголовного права // Право. Еженедельная юрид. газ. 1915. № 44 (1 ноября). Стб. 2773–2790.
9. Набоков В.Д. Об «опасном состоянии» преступника, как критерии мер социальной защиты [1] // Право. Еженедельная юрид. газ. 1910. № 18 (2 мая). Стб. 1114–1123; [2]. № 19 (9 мая). Стб. 1173–1185.
10. Пионтковский А.А. Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение. Ярославль, 1895. С. 23.
11. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. М., 1912. С. 2.
12. Поletaев Н.А. Наука уголовного права в Англии // Журнал Министерства Юстиции. 1863. Т. XVII. С. 363.
13. Полянский Н.Н. Спор о будущей ориентации русской науки уголовного права // Юридический Вестник. 1916. Кн. XIII (I). С. 155–168.
14. Признать виновными. Приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге / предисл. А.Н. Савенкова, А.Г. Звягинцева. М., 2021. С. 7–92.
15. Сергеевский Н.Д. Философские приемы и наука уголовного права // Журнал Гражданского и Уголовного Права. 1879. Кн. 1 (Январь – февраль). С. 39–87.
16. Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права: материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2011.
17. Чубинский М.П. Наука уголовного права и ее составные элементы // Журнал Министерства Юстиции. 1902. № 7. С. 99, 100.
18. Шаргородский М.Д. Итоги философской дискуссии и некоторые вопросы науки уголовного права // Сов. государство и право. 1948. № 3. С. 12–20.
19. Berolzheimer F. System der Rechts- und Wirtschaftsphilosophie; Bd. 5. Strafrechtsphilosophie und Strafrechtsreform. München, 1907.
20. Böhm D. Strafrechtliche Gesetzmäßigkeit als Prinzip? Eine Untersuchung über das Spannungsverhältnis zwischen positivrechtlichen und erkenntnistheoretischen Grundlagen strafrechtlicher Gesetzmäßigkeit. Frankfurt am Main, 2013.
21. Bung J. Fünf Grundprobleme des heutigen Strafrechts // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik (ZIS). 2016. S. 340–344.
22. Ferrante M. Filosofía y derecho penal. Buenos Aires, 2013.
23. Gardner J. Offences and defences: selected essays in the Philosophy of Criminal Law. Oxford, 2011.
24. Gierhake K. Fünf Grundprobleme des heutigen Strafrechts. Eine Replik zu Jochen Bung // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik. 2026. No. 11. S. 733.
25. Heydt R. Perspektivität von Freiheit und Determinismus: zugleich eine philosophische Untersuchung zur Objektivierbarkeit des Strafrechts vor dem Hintergrund neurowissenschaftlicher Forschung. Berlin, 2017.
26. Husak D.N. Philosophy of Criminal Law. Totowa, NJ., 1987.
27. Jhering R. Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868 // Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen, 1998. S. 92.
28. Kirchmann J.H. Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft. Berlin, 1848.

⁴⁹ См.: The Oxford handbook of Philosophy of Criminal Law / ed. by John Deigh and David Dolinko. Oxford, 2011.

⁵⁰ См.: Gardner J. Offences and defences: selected essays in the Philosophy of Criminal Law. Oxford, 2011.

⁵¹ См.: Heydt R. Perspektivität von Freiheit und Determinismus: zugleich eine philosophische Untersuchung zur Objektivierbarkeit des Strafrechts vor dem Hintergrund neurowissenschaftlicher Forschung. Berlin, 2017.

⁵² Husak D.N. Philosophy of Criminal Law. Totowa, NJ., 1987.

⁵³ La crisis del derecho penal contemporáneo / Ricardo Robles Planas ... (coordinadores). Sonst. Personen: Robles Planas, Ricardo [Hrsg.]; Sánchez-Ostiz Gutiérrez, Pablo. Barcelona, 2010.

29. *Kühl K.* Die Bedeutung der Rechtsphilosophie für das Strafrecht. Baden-Baden, 2001. S. 53.
30. *Küper W.* Strafrechtliche Beiträge zu Rechtsgeschichte und Rechtsphilosophie. Herausgegeben von Michael Hettinger u. Jan Zopfs. 2017.
31. La crisis del derecho penal contemporáneo / Ricardo Robles Planas ... (coordinadores). Sonst. Personen: Robles Planas, Ricardo [Hrsg]; Sánchez-Ostiz Gutiérrez, Pablo. Barcelona, 2010.
32. *Savigny F.C.* Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814.
33. *Schild W.* Ende und Zukunft des Strafrechts // ARSP: Archiv Für Rechts- Und Sozialphilosophie. 1984. Vol. 70. No. 1. S. 71–112.
34. The Oxford handbook of Philosophy of Criminal Law / ed. by John Deigh and David Dolinko. Oxford, 2011.
15. *Sergeevsky N.D.* Philosophical techniques and the science of Criminal Law // Journal of Civil and Criminal Law. 1879. Book 1 (January – February). Pp. 39–87 (in Russ.).
16. Standards of science and homo juridicus in the light of Philosophy of Law: materials of the fifth and sixth philosophical and legal readings in memory of Academician V.S. Nersesyan / ed. V.G. Graftsky. M., 2011 (in Russ.).
17. *Chubinsky M.P.* The science of Criminal Law and its constituent elements // Journal of the Ministry of Justice. 1902. No. 7. Pp. 99, 100 (in Russ.).
18. *Shargorodsky M.D.* The results of the philosophical discussion and some questions of the science of Criminal Law // Soviet State and Law. 1948. No. 3. Pp. 12–20 (in Russ.).
19. *Berolzheimer F.* System der Rechts- und Wirtschaftsphilosophie; Bd. 5. Strafrechtsphilosophie und Strafrechtsreform. München, 1907.
20. *Böhm D.* Strafrechtliche Gesetzmäßigkeit als Prinzip? Eine Untersuchung über das Spannungsverhältnis zwischen positivrechtlichen und erkenntnistheoretischen Grundlagen strafrechtlicher Gesetzmäßigkeit. Frankfurt am Main, 2013.
21. *Bung J.* Fünf Grundprobleme des heutigen Strafrechts // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik (ZIS). 2016. S. 340–344.
22. *Ferrante M.* Filosofía y derecho penal. Buenos Aires, 2013.
23. *Gardner J.* Offences and defences: selected essays in the Philosophy of Criminal Law. Oxford, 2011.
24. *Gierhake K.* Fünf Grundprobleme des heutigen Strafrechts. Eine Replik zu Jochen Bung // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik. 2026. No. 11. S. 733.
25. *Heydt R.* Perspektivität von Freiheit und Determinismus: zugleich eine philosophische Untersuchung zur Objektivierbarkeit des Strafrechts vor dem Hintergrund neurowissenschaftlicher Forschung. Berlin, 2017.
26. *Husak D.N.* Philosophy of Criminal Law. Totowa, NJ., 1987.
27. *Jhering R.* Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868 // Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen, 1998. S. 92.
28. *Kirchmann J.H.* Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft. Berlin, 1848.
29. *Kühl K.* Die Bedeutung der Rechtsphilosophie für das Strafrecht. Baden-Baden, 2001. S. 53.
30. *Küper W.* Strafrechtliche Beiträge zu Rechtsgeschichte und Rechtsphilosophie. Herausgegeben von Michael Hettinger u. Jan Zopfs. 2017.
31. La crisis del derecho penal contemporáneo / Ricardo Robles Planas ... (coordinadores). Sonst. Personen: Robles Planas, Ricardo [Hrsg]; Sánchez-Ostiz Gutiérrez, Pablo. Barcelona, 2010.
32. *Savigny F.C.* Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814.
33. *Schild W.* Ende und Zukunft des Strafrechts // ARSP: Archiv Für Rechts- Und Sozialphilosophie. 1984. Vol. 70. No. 1. S. 71–112.
34. The Oxford Handbook of Philosophy of Criminal Law / ed. by John Deigh and David Dolinko. Oxford, 2011.

REFERENCES

1. *Bochkarev S.A.* Philosophy of Criminal Law: posing a question. M., 2019 (in Russ.).
2. *Vladimirov L.E.* Criminal legislator as educator of the people. M., 1903. P. VI (in Russ.).
3. *Golik Yu. V.* Criminal Law and Philosophy // Criminal Justice. 2022. No. 19. Pp. 5–11 (in Russ.).
4. *Zhizhilenko A.A.* On the question of the past and future of the Russian science of Criminal Law // Law. Weekly legal newspaper. 1915. No. 45 (November 8). Stb. 2858–2867 (in Russ.).
5. *Kudryavtsev V.N.* Theoretical foundations of the qualification of crimes. M., 1963. P. 4 (in Russ.).
6. *Lyublinsky P.I.* Literature review of the science of Criminal Law for 1908 // Law. Weekly legal newspaper. 1909. No. 26 (June 28). Stb. 1537–1548 (in Russ.).
7. *Makh E.* Cognition and delusion. Essays on the psychology of research. M., 2003 (in Russ.).
8. *Nabokov V.D.* On the question of the future orientation of the Russian science of Criminal Law // Law. Weekly legal newspaper. 1915. No. 44 (November 1). Stb. 2773–2790 (in Russ.).
9. *Nabokov V.D.* On the “dangerous state” of a criminal as criteria for social protection measures [1] // Law. Weekly legal newspaper. 1910. No. 18 (May 2). Stb. 1114–1123; [2]. No. 19 (9 May). Stb. 1173–1185 (in Russ.).
10. *Piontkovsky A.A.* The science of Criminal Law, its subject, tasks, content and significance. Yaroslavl, 1895. P. 23 (in Russ.).
11. *Poznyshchev S.V.* The basic principles of the science of Criminal Law. The General part of Criminal Law. 2nd ed., rev. and add. M., 1912. P. 2 (in Russ.).
12. *Poletayev N.A.* The science of Criminal Law in England // Journal of the Ministry of Justice. 1863. Vol. XVII. P. 363 (in Russ.).
13. *Polyansky N.N.* Dispute about the future orientation of the Russian science of Criminal Law // Legal Herald. 1916. Book XIII (I). Pp. 155–168 (in Russ.).
14. To be found guilty. The verdict of the International Military Tribunal in Nuremberg / preface by A.N. Savenkov, A.G. Zvyagintsev. M., 2021. Pp. 7–92. (in Russ.).
15. *Sergeevsky N.D.* Philosophical techniques and the science of Criminal Law // Journal of Civil and Criminal Law. 1879. Book 1 (January – February). Pp. 39–87 (in Russ.).
16. Standards of science and homo juridicus in the light of Philosophy of Law: materials of the fifth and sixth philosophical and legal readings in memory of Academician V.S. Nersesyan / ed. V.G. Graftsky. M., 2011 (in Russ.).
17. *Chubinsky M.P.* The science of Criminal Law and its constituent elements // Journal of the Ministry of Justice. 1902. No. 7. Pp. 99, 100 (in Russ.).
18. *Shargorodsky M.D.* The results of the philosophical discussion and some questions of the science of Criminal Law // Soviet State and Law. 1948. No. 3. Pp. 12–20 (in Russ.).
19. *Berolzheimer F.* System der Rechts- und Wirtschaftsphilosophie; Bd. 5. Strafrechtsphilosophie und Strafrechtsreform. München, 1907.
20. *Böhm D.* Strafrechtliche Gesetzmäßigkeit als Prinzip? Eine Untersuchung über das Spannungsverhältnis zwischen positivrechtlichen und erkenntnistheoretischen Grundlagen strafrechtlicher Gesetzmäßigkeit. Frankfurt am Main, 2013.
21. *Bung J.* Fünf Grundprobleme des heutigen Strafrechts // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik (ZIS). 2016. S. 340–344.
22. *Ferrante M.* Filosofía y derecho penal. Buenos Aires, 2013.
23. *Gardner J.* Offences and defences: selected essays in the Philosophy of Criminal Law. Oxford, 2011.
24. *Gierhake K.* Fünf Grundprobleme des heutigen Strafrechts. Eine Replik zu Jochen Bung // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik. 2026. No. 11. S. 733.
25. *Heydt R.* Perspektivität von Freiheit und Determinismus: zugleich eine philosophische Untersuchung zur Objektivierbarkeit des Strafrechts vor dem Hintergrund neurowissenschaftlicher Forschung. Berlin, 2017.
26. *Husak D.N.* Philosophy of Criminal Law. Totowa, NJ., 1987.
27. *Jhering R.* Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868 // Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen, 1998. S. 92.
28. *Kirchmann J.H.* Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft. Berlin, 1848.
29. *Kühl K.* Die Bedeutung der Rechtsphilosophie für das Strafrecht. Baden-Baden, 2001. S. 53.
30. *Küper W.* Strafrechtliche Beiträge zu Rechtsgeschichte und Rechtsphilosophie. Herausgegeben von Michael Hettinger u. Jan Zopfs. 2017.
31. La crisis del derecho penal contemporáneo / Ricardo Robles Planas ... (coordinadores). Sonst. Personen: Robles Planas, Ricardo [Hrsg]; Sánchez-Ostiz Gutiérrez, Pablo. Barcelona, 2010.
32. *Savigny F.C.* Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814.
33. *Schild W.* Ende und Zukunft des Strafrechts // ARSP: Archiv Für Rechts- Und Sozialphilosophie. 1984. Vol. 70. No. 1. S. 71–112.
34. The Oxford Handbook of Philosophy of Criminal Law / ed. by John Deigh and David Dolinko. Oxford, 2011.

Сведения об авторах

ГОРБАНЬ Владимир Сергеевич —
доктор юридических наук,
заведующий сектором философии права,
истории и теории государства и права,
руководитель междисциплинарного
Центра философско-правовых исследований
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

МАЛИКОВ Сергей Владимирович —
доктор юридических наук,
заместитель директора
Института государства и права
по научной работе
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

GORBAN Vladimir S. —
Doctor of Law,
Head of the Sector of Philosophy of Law,
History and Theory of State and Law,
Head of the Interdisciplinary Center
for Philosophical and Legal Studies,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

MALIKOV Sergey V. —
Doctor of Law,
Deputy Director
of the Institute of State and Law
for Scientific Work
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia